

ИЛЪЯ
КУЛИКОВ

**СПЕЦНАЗ
БОЯРИНА
КОЛОВРАТА**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К90

Художник
Игорь Варавин

Куликов, Илья Федорович.

К90 Спецназ боярина Коловрата / Илья Куликов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-094918-2

В XIII веке на Русь пришла огромная монгольская орда, истребляющая все живое на своем пути. И первым пало Рязанское княжество. На пепелище родного города Евпатий Коловрат собирает отважных воинов, чтобы догнать уходящих врагов и разить их, не ведая жалости!

Монголы не верили, что напасть на их войско способны обычные люди, и стали называть их живыми мертвецами. Шансов на победу у русских не было, но отряд спецназа боярина Коловрата не сдался и не отступил!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094918-2

© Куликов И.Ф., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Княжна Евпраксинья

ето 6745 года от сотворения мира или 1236 года от Рождества Христова выдалось на редкость жарким. С мая было всего несколько дождей. Боярин Евпатий Коловрат потягивал квас и смотрел с крыльца терема на свою воспитанницу, княжну Евпраксинью, которая болтала о чем-то с подружками.

Боярин Евпатий Львович обладал невиданной силой. Он заслужил свое прозвище тем, что нередко заряжал самострел без специального приспособления — коловрата, голыми руками. Но сила у боярина всегда соседствовала со здравым смыслом.

Евпатий слышал смех девушек и сам невольно улыбался. Быстро время летит, подумал он, вот и выросла девка — скоро женихи к дому пойдут. Евпраксинья была дочерью князя Святослава Ингварьевича, погибшего тринадцать лет назад в битве на Калке.

Опеку над княжной поручили ему и боярыне Василисе Николаевне, с которой у боярина Евпатия отношения были всегда натянутые. Евпатий не был женат и детей не имел, а вот у боярыни

Василисы и ее супруга Гавриила Константиновича с этим сложностей не было, шестеро детей, и все как на подбор богатыри. Евпатий понимал, что боярыня Василиса давно спит и видит, как старший ее сынок Дмитрий возьмет княжну в жены. Этот брак был бы со всех сторон невыгодным для Евпраксины. Та выросла на редкость пригожей девушкой и могла полюбиться куда более достойному и, главное, родовитому мужу.

Нет уж, подумал Евпатий, не бывать тому. Ты, Василиса Николаевна, поищи своим сынам другую пару, а на княжну смотреть пусть и не думают. Не для них эта ягодка росла.

Впрочем, боярин Евпатий Львович понимал, что чем быстрее он выдаст свою подопечную замуж, тем лучше будет, ведь, кроме славного имени отца, у девочки ничего не осталось. Ее дяди, князья Ярослав и Владимир, не сильно были озабочены судьбой племянницы, да и тетке Гремиславе, супруге князя краковского, она была не нужна.

Боярин Евпатий Львович сильно удивился, когда к его терему, в котором он жил вместе с боярыней Василисой, ее супругом и всеми ее отпрысками, подъехало несколько всадников.

Терем принадлежал юной княжне Евпраксине, но и боярин Евпатий, и боярыня Василиса считали его своим, и это порождало немало ссор. Его пожаловал своей родственнице ныне покойный великий князь рязанский Ингварь Игоревич, который не хотел даже слышать о том, что та, в ком течет кровь Рюрика, будет в чем-то нуждаться. Боярин Евпатий Львович

с негодованием смотрел на то, как боярыня Василиса Николаевна заняла со своей семьей бóльшую часть терема. Скоро жадная тетка и саму княжну на порог не пустит, а коли породнится с ней, то совсем жизни у Евпраксиньи не будет.

Боярин Евпатий пошел навстречу гостям и замер, увидев, что к нему или, как он предположил, к Евпраксинье пожаловал сам великий князь рязанский Юрий Игоревич.

— Здравья тебе желаю, великий князь, — склонив голову, приветствовал гостя боярин Евпатий, — и долгих лет жизни.

Великий князь рязанский Юрий Игоревич рассмеялся, глядя на могучего боярина, который был лет на десять его младше. Самому великому князю было около пятидесяти лет.

— Долгих лет, говоришь? Ну, это как Господь велит. Ты, боярин Евпатий Львович, пойдём-ка со мной посидим, по чарке меда хмельного выпьем, я ведь к тебе не просто так пожаловал.

Евпатий Львович кивнул и вместе с князем направился в трапезную, где было прохладнее.

— Жаркое нынче лето, — проговорил боярин Евпатий, отметив, что великий князь в терем вошел один, а остальные прибывшие с ним люди остались на улице. Значит, поговорить хочет без лишних ушей.

— Вот я, боярин, к тебе пришел, так как знаю, что ты муж доблестный и имя свое прославил в битве на реке Калке. Хоть то сражение до сих пор слезами по всей Руси отзывается, подвиг твой не забыт. К тому же и в воспитании дочери моего родича ты проявил себя. Но

что говорить — девку женщина должна воспитывать, а не муж ратный, хотя, смотря на тебя, она будет ценить в своем супруге будущем силу и умение воинское.

К чему же клонит великий князь, подумал боярин Евпатий. Начал как бы издали. Неужто Евпраксинье жениха присмотрел? Самое плохое было в том, подумал Евпатий, что ежели он прав, то противиться воле великого князя, милостью которого мы все тут живем, все равно не получится.

В это время в трапезную вошла боярыня Василиса и от неожиданности раскрыла рот, увидев сидящего за столом великого князя.

Евпатий махнул ей рукой, показывая, чтобы та шла вон. Боярыня Василиса сразу смекнула, что за важный гость пожаловал, и поняла, что лучше не влезать. К тому же все средства на существование ее семьи шли именно от великого князя.

— Ну так что я, боярин, говорю. У меня племянник меньшей, княжич Игорь Ингварьевич, в тот возраст входит, когда ему нужно брать пример с настоящего мужа. Тебя я выбрал, чтобы ты его уму-разуму научил. Мечом владеть и на коне скакать он и сам умеет, а ты его силе духа учить будешь.

Евпатий понимал, что это то предложение, от которого нельзя отказаться. Впрочем, соглашаться на него он тоже не хотел, так как понимал, что Игорь Ингварьевич третий в очереди на великокняжеский рязанский стол и тем самым является помехой и угрозой для своих братьев. В случае смерти великого князя рязанского

Юрия Игоревича защитить своего подопечного Евпатий не мог, только голову сложил бы.

После битвы на Калке боярин Евпатий Львович только и мечтал о том, как отомстит врагам, и как прославит свое имя, и стяжает богатства ратными делами. Но жизнь распорядилась иначе и сделала его опекуном княжны, да еще и связала его жизнь с совершенно чужой и не любой ему боярыней Василисой Николаевной. Впрочем, где-то в глубине души Евпатий понимал, что Василиса ему словно сестра родная, да и супруг ее стал боярину словно родич, но спор это не уничтожило, скорее наоборот.

— Воля твоя, великий князь. Коли выбрали меня достойным наставником Игорю Ингварьевичу, быть по-вашему.

В этот момент в трапезную с кувшином вошла Евпраксинья. Видно, боярыня Василиса наказала княжне принести великому князю меда и тем самым показать себя, что она жива-здоровая, одета, как полагается княжне, и воспитание получает соответственное ее высокому положению.

— Ну и красавица у тебя воспитанница! Хороша! — засмотревшись на дальнюю родственницу, сказал великий князь Юрий Игоревич. — А скажи, дочка, к тебе уже сватаются женихи и лежит ли к кому душа?

Евпраксинья подавила улыбку и отрицательно покачала головой.

— А ты, Евпатий, что такую красоту дома прячешь?

Евпатий вовсе не прятал Евпраксинью, а вот Василиса Николаевна, наоборот, старалась, что-

бы девушка особо ни с кем не знакомилась, так как, по ее задумке, если подождать лет эдак восемь, пока та выйдет из возраста невесты, самое время выйти красавице за ее сына и тем самым обеспечить им всем безбедное существование.

Евпатий все это понимал, но воспротивиться не мог, так как в случае чего Василиса Николаевна с видом богобоязненной женщины начинала речь, что христианской княжне негоже хороводы на праздники водить да на пьянки и гулянки хаживать. Под словами «пьянки и гулянки» боярыня подразумевала любые места, кроме ее двора.

— Что, княжна, о женихах-то думаешь? — спросил великий князь и, увидев, что Евпраксинья залилась румянцем, рассмеялся. — А что, ты, боярин, думаешь, что она все дитя? Да у таких вот дитятей знаешь что на уме? Что молчите, словно воды в рот набрали?

— Великий князь, а что говорить-то надобно? — робко спросила Евпраксинья. — Княжне негоже срамными делами заниматься, хороводы водить и на пьянках и безбожных гульбищах находиться. Так тетка Василиса Николаевна говорит. А где же женихов увидеть можно?

— Это тетке Василисе негоже, а тебе самое время! — весело проговорил великий князь. — А ты, Евпатий, смотри, наведи порядок у себя в доме. Так девку под монастырь подведете!

Великий князь рассмеялся. Сложно было понять, шутит он или говорит всерьез, но Евпатий знал, что лучше не проверять. Да и сам он подумывал о том, как свою подопечную с молодцами связать. Но стоило ему только рот от-

крыть, как боярыня Василиса тут же вмешивалась, и все его помышления тонули в различных мыслимых и немыслимых препятствиях и разговорах о том, что не положено княжне.

— Ладно, боярин Евпатий Львович, я свое слово сказал. А по поводу княжича Игоря Ингварьевича мы с тобой все обсудили. Быть тебе и ему наставником.

Великий князь Юрий Игоревич и его сын Федор

Великий князь рязанский, вернувшись в палаты, пошел к своему сыну княжичу Федору Юрьевичу.

Согласно лествичному праву, княжич Федор был четвертым в очереди на великое рязанское княжение. По лествичной системе правления брат наследовал брату, а после смерти последнего из братьев княжение доставалось сыну старшего из братьев, если он еще был жив. Это нередко приводило к жестоким междоусобицам между дядьями и племянниками или между двоюродными братьями. Великий князь все это понимал и, хотя мог бы присмотреть своему сыну супругу с более сильными родичами, остановил свой взор именно на Евпраксинье, воспитаннице Евпатия.

Княжич Федор уже сейчас проявлял немалый интерес к государственным делам. Смотря на него, великий князь понимал, что, как только он умрет, рязанская земля содрогнется от кровопролития и его долг сейчас, пока он жив и в силе, сделать

так, чтобы лествичное право не было нарушено и его род не погрузился в междоусобную войну.

Юрий не мог забыть, как много лет назад именно из-за таких споров текла кровь, обогряя его родную землю. Великий князь не хотел, чтобы его сын был убит своими же двоюродными братьями за то, что он решил добиваться себе великого княжения.

— Федор, — обратился великий князь к сыну, который в это время склонился над документами и грамотами.

Княжич проявлял немалый интерес и к торговым делам, и к общению с другими великими князьями. Да и говорил Федор красиво, и, слушая его, хотелось ему верить.

— Батюшка, после того как степные воители сокрушили волжских булгар, те устремились к великому князю владимирскому, ища в его землях себе укрытие.

— Сын, я хочу с тобой поговорить не о делах государственных, а о делах любовных.

Княжич Федор посмотрел на своего батюшку с недоумением. Отец никогда не начинал с ним подобных разговоров, и теперь ему это показалось несколько странным.

— Батюшка, мне пришло время жениться?

— Ну что ты — пришло время жениться! Что я тебе? Насильно под венец не идут, — вспылил великий князь, — так, присмотрел деву крови благородной. Сирота. Дед ее великим князем киевским был, а отец пал в сражении.

Федор сразу понял, о ком речь. Речь шла о княжне Евпраксинье. Она и впрямь была родо-

вита, только вот ее родичи силой похвастаться не могли. Дядя — удельные князья, а тетка хоть и замужем за краковским князем, но едва ли интересуется судьбой племянницы. Отец специально такую невесту присмотрел. Не хочет великий князь, чтобы его сын после смерти родителя в борьбу с двоюродными братьями вступал. А ведь я один по-настоящему княжеством править хочу, размышлял Федор. Все мои братья двоюродные властвовать хотят, а я — править и усиливать.

— Живет она милостью нашей, батюшка, и родичам своим не нужна. Хороша невеста!

— А ты, сынок, не на ее родичах женишься, а на ней. Да и чего ты сразу жениться. Так, присмотришься. Может, и пленит она твое сердце, кто знает. А о великом княжении пока и думать забудь! Не позволю я, чтобы после моей смерти вы, словно псы, за кость между собой сцепились. Ты мне сын, но братья твои двоюродные мне тоже не чужие, и они в своем праве!

Федор посмотрел на отца и невольно подумал, что тот и представить себе не может, какие планы зреют у него в голове. Федор боялся, что это не сбудется, ибо задумал он великое дело — нарушить все законы предков и сделать так, чтобы сын наследовал отцу. Ведь уже думали об этом сто пятьдесят лет назад их предки, когда, собравшись в Любече на съезд, порешили, что каждый будет блюсти свою отчизну. Тогда и подумывали о том, что сын должен наследовать отцу. Просто тогда не доделали все до конца, и так получилось, что лишь разделили государство на части.

— Отец, я волю твою выполню и с княжной Евпраксиньей знакомство заимею, но сердцу не прикажешь!

Великий князь усмехнулся, глядя на рассудительного сынка. Сердцу не прикажешь! Да посмотрю я на тебя после того, как вы с ней поговорите да посидите вместе. Дело молодое — стоит парню к девке приблизиться, как между ними и связь появится. Да и ох недурна Евпраксинья! С ума сведет!

— Ну коли не по нраву она тебе придется, так и скажи. Тогда я неволить тебя не стану и найду ей другого жениха.

Федор, Федор, подумал великий князь. Что же ты над бумагами и грамотами время проводишь? Зря я послушал жену и согласился, чтобы тебя грамоте учили! Не княжеское это дело — читать грамоты разные да писать знаки таинственные. Вот теперь и сидит взрослый муж, словно старец, над всякими свитками и пытается разобрать, что там начертано. Есть же на Руси старинная поговорка: кто писал, не знаю, а я, дурак, читаю.

Боярин Евпатий Львович и боярыня Василиса Николаевна

После того как великий князь Юрий Игоревич покинул терем и скрылся из виду, боярыня Василиса почти бегом устремилась к боярину Евпатию.

— Ну, Евпатий Львович, говори как на исповеди, чего великий князь приезжал и о чем

толковал, а то мне за дверью слышно плохо было!

— А ты, Василиса Николаевна, особо не беспокойся. Он приезжал вовсе не по бабьим делам, а со мной потолковать, а о чем именно, тебе знать не обязательно.

Василиса Николаевна картинно прижала руки к груди, словно пытаясь показать, что у нее разрывается сердце, и продолжила:

— Это так ты со мной совет держишь? Я ведь Евпраксиньку своим молоком выкормила после того, как матушка ее к Господу на суд отправилась! Мне судьба ее небезразлична! Стыд бы ты поимел, боярин. Она мне дочь, и о судьбе ее знать я имею право!

Красиво говорит, ни одного бранного слова, отметил Евпатий. Видно, мало она там за дверью расслышала, да и Евпраксинька ничего не сказала. И то слава богу!

— Ладно, Василиса Николаевна, — ответил боярин Евпатий Львович, — ты руку-то от сердца убери. Оно у тебя еще лет сто стучать будет, а коли нездоровится, так ты отвару попей! Великий князь гневается, что мы воспитанницу нашу взаперти держим.

— Ага, — перебила боярина Евпатия Василиса, — он ее не растил, ему и без разницы, а мне она дочка, и я за нее перед Господом ответ держать буду. Негоже ей, княжне из рода Рюрика, всяким праздным увеселениям предаваться. А на богослужения мы и так с ней каждый праздник ходим.

— Вот о том он толковать и приходил.